

16 ИЮН 1963

г. Тула

Газета № . . .

МНЕНИЕ
ЗРИТЕЛЯНЕОПЛАЧЕННЫЙ
ВЕКСЕЛЬ

Мне, как постоянному и неравнодушному зрителю, хочется поделиться своими впечатлениями о спектаклях, поставленных в минувшем сезоне на сцене драмтеатра имени М. Горького. Не скажу, чтобы эти впечатления были радостными, и честное слово, лучше говорить горькую правду, чем сладкую ложь.

В минувшем сезоне, вместо прежних, привычных для туляков, афиш, огромные красочные плакаты и щиты зазывали людей в театр. Доверившись им, зрители охотно шли смотреть спектакли. Были даже такие, необычные для нашего театра дни, когда над окошком кассы висело объявление: «Все билеты проданы». Но это было только поначалу, а потом... Потом очень часто актеры играли перед полупустым залом, и даже были случаи отмены спектаклей из-за отсутствия зрителей.

Но вернемся к репертуару. Больше других привлек внимание туляков спектакль «Божественная комедия» И. Штока. Правда, эта пьеса написана драматургом для кукольного театра, но велико было искушение посмотреть легкомысленное представление о сотворении мира, ничего общего не имеющее с бессмертным творением Данте. Комедия обещала быть веселой, смешной. Вот и шли зрители в театр отдохнуть, пошутить. И они действительно смеялись, если принять во внимание первое, непосредственное зрительское восприятие чудес, происходящих по воле бога — этого хвастливого, самоуверенного, но по годам резвого старикашки.

Но смех смеху рознь. Спектакль будет веселым и поучительным лишь в том случае, если сатирические мо-

менты, содержащиеся в пьесе, будут остроумными, меткими, органичными. Когда же более глубоко вникнешь во все увиденное, то невольно становится обидно за себя, за зритель: над чем смеялись, чему радовались? А радовались, оказывается, развязности и разнообразию в игре актеров, которые, за исключением, пожалуй, Г. Я. Горштейна в роли создателя, мало заботились о существе образов; смеялись, оказывается, над грубыми и плоскими шутками, якобы «связывающими» потусторонний мир с современностью. Вот пример этой «связи»: бог задумал сотворить из ребра Адама женщину и таянет его на операцию. Тот артачится: «Не пойду! Не хочу!». Создатель и ангелы его утешают: «Не бойся, не зарежешь! Ты — не в больнице!» Смешно? Нет, грустно, ибо это не сатира, а откровенная грубость в адрес тех, кто стоит на страже здоровья советского человека.

Вообще на всем спектакле, поставленном главным режиссером театра А. К. Кокориным, лежит печать какой-то небрежности. Она ощущается во многом — а костюмах, в произношении текста ролей, в пении и танцах. Я понимаю, конечно, что спектакль решен в особо условном плане, но условность никогда не исключала режиссерского и актерского мастерства.

За этим спектаклем последовала розовая комедия «Бал воров»

Ж. Ануиля. Перед зрителем, как в калейдоскопе, мелькают люди-маски: тут и скукающая старая леди Хэф, и счастливый отец лорд Эдгар, и прелестная, белокурой Ева, и плут Петербоно со своими сообщниками... Все они выглядят карикатурами на человека. Лишь изредка зритель удаётся разглядеть среди нагромождения приемов циркового и опереточного искусства истинное лицо, душу героя, например, леди Хэф (заслуженная артистка РСФСР В. С. Шевырева) в сцене отчаяния и Петербоно (народный артист РСФСР Н. С. Белоусов) в момент сожаления о неудавшейся аванюре. В целом же действующие лица так и остаются до конца спектакля марионетками, которые дергаются, кривляются по воле режиссера, не неся ни больших мыслей, ни искренних чувств. Зрители тщетно стараются понять, в чем же основная мысль спектакля, во имя какой цели он поставлен. Неужели единственной целью театра было только стремление пошутить зрителя? Но ведь этого, наверно, мало...

Неполноценным в идейном и художественном отношении представляется мне и спектакль «Хочу быть честным» В. Войновича. Я понимаю, что театр вправе доступными ему средствами открывать и показывать недостатки нашей жизни. Но, зачем же показывать пародию на нашу действительность? Я до сих пор с огорчением вспоминаю группу строите-

лей, руководимую профессором Самохиным. — этих недалеких, грубых лодырей и бражников. А чего стоит сама идея спектакля! Не старайся быть честным — тебя ждет гибель. Прораб Самохин хотел следовать высокому нравственному принципу, но не найдя взаимопонимания и поддержки, погибает. Напротив, просто не хочется верить, что это происходит не где-нибудь, а у нас, в одной из наших строительных организаций. Приходится только сожалеть, что режиссер и актеры попусту растрачивали свои творческие силы и внушали зрителям не то, что надо было внушать. И не случайно они отвернулись от этого спектакля, перестали посещать театр в дни его показа.

Не имела успеха и такая работа театра, как «Дуэль». Почему? Да потому, что спектакль не отличался высоким уровнем режиссуры и актерского исполнения. В данном случае от этого зависело многое: ведь трем главным исполнителям нужно было подогревать зрительский интерес в течение полутора часов. Однако, как говорится, пороку не хватало, герои получились мелкими, обезличенными, а спектакль — скучным и неинтересным. После него не остается никакого впечатления, кроме усиленного из уст актеров бодирования пьесы. Но для этого не нужно было ходить в театр: достаточно прочитать пьесу, сидя дома.

Пожалуй, только два спектакля можно считать удачными. Это «Сохрани мою тайну» и «Два товарища». Они воспринимались живо, с интересом. Темы их злободневны, волнующи, рождают какие-то мысли, споры. Все хорошо, если не считать неудачный, противоречащий тексту пьесы, внешний облик Нате-

ши, главной героини спектакля «Сохрани мою тайну», и лишенной воспитательного значения сцены в милиции в спектакле «Два товарища». В ней актеры явно «перестарались», стремясь во что бы то ни стало пошутить зрителя.

Короче говоря, репертуар театра в минувшем сезоне, к огромному сожалению, был неинтересным и довольно однообразным. Конечно, похвально, что коллектив избирал для постановки в основном пьесы советских драматургов. Но не всегда зрителю было понятно, чем руководствовался театр при выборе того или иного произведения и зачем допускать режиссерские эксперименты, которые противоречат принципам реалистического искусства и наносят ущерб идейно-художественным качествам спектаклей.

Сейчас мне вспоминаются слова нового главного режиссера А. К. Кокорина, произнесенные им с авансцены в день открытия юбилейного сезона. «Я постарюсь», — заявил он, — сделать Тульский театр одним из лучших театров России. Но вексель остался неоплаченным: театр за весь сезон не поставил ни одного спектакля, который бы получил высокую оценку зрителей и украсил бы репертуарную афишу на многие годы.

И все-таки очень хочется верить в лучшее будущее нашего театра. Хочется верить, что зритель с нетерпением будет ждать каждую премьеру, будет с захватывающим интересом смотреть спектакли и дарить режисерам и актерам цветы в знак глубочайшей благодарности. Очень хочется верить, что будет все именно так!

Н. НИКИТИНА,
работница Тульской швейной фабрики.